

Вавжинец Попель-Махницки

Религиозность поэзии Сергея Есенина

Studia Rossica Posnaniensia 27, 109-114

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

RELIGIOUS POETICS OF SERGEI YESENIN

ВАВЖИНЕЦ ПОПЕЛЬ-МАХНИЦКИ

ABSTRACT. This article is an attempt at demonstrating the religious colouring of Sergei Yesenin's poetry both before the October Revolution and after the year 1917.

Wawrzyniec Popiel-Machnicki, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Instytut Filologii Rosyjskiej, al. Niepodległości 4, 61-874 Poznań, Polska – Poland.

Проблема религиозной, церковно-христианской тематики в русской литературе является одной из важнейших – и вместе с тем мало изученных – особенностей развития русской поэзии. Трудно было бы найти поэта XIX, или начала XX века, который не обращался бы в своем творчестве к Библии, к церковно-христианским сюжетам. К таким поэтам принадлежал также и Сергей Есенин. В его творческом наследии можно выделить целые группы стихотворений, которые сам поэт называл богослужебными книгами, имея в виду в первую очередь их насыщенность библейскими мотивами и реминисценциями. Религиозно-церковная символика, столь богатая в раннем творчестве Есенина, послужила для некоторых литературных критиков поводом для обвинения поэта в мистицизме и идейной отсталости. „Однозное понятие «есенинщина» настолько прочно вошло в литературный обиход, что *Литературная энциклопедия* сочла нужным дать обширную статью о нем. Появились о «есенинщине» статьи в «Правде», «Комсомольской правде», вышли специальные сборники, брошюры (*Упадочные настроения среди молодежи. Есенинщина*, М., 1926; Г. Покровский, *Есенин – есенинщина – религия*, М., 1929 и др.). Волной прошли диспуты, на которых выступали Луначарский, Демьян Бедный, Безыменский, Жаров и другие комсомольские поэты, героев богемы развенчивали, давали бой скорбящим меланхоликам”¹.

¹ А. В. Кулинич, *Сергей Есенин*, Киев 1959, с. 25.

Сергея Есенина обвиняли в том, что он уходит прямо в лагерь реакции, что религию и мистическую философию упадочной буржуазии он пронес через бури революции... Прошло время, а советское литературоведение не до конца решило проблему религиозной поэтики этого великого писателя. Он сам в 1924 году заявил: „самый щекотливый этап – это моя религиозность, которая очень отчетливо отразилась на моих произведениях... Отрицать я в себе этого этапа вычеркиванием не могу, как и все человечество не может смыть периода двух тысяч лет христианской культуры...” (IV, 225)².

Религиозные мотивы особенно характерны для творчества поэта 1914-1917 годов. Е. Наумов замечает, что в те годы эти мотивы звучали по-разному. „Если в стихах 1914 года довольно легко улавливается проницательное отношение Есенина к религии, – пишет он, – то позже, в 1915-1916 годах, поэт создает немало произведений, в которых религиозная тема берется, так сказать, всерьез”³. Примером может быть стихотворение *Я странник убогий...*:

Я странник убогий
Молюсь в синеву.
На палой дороге
Ложуся в траву.
Покоюся сладко
Меж росновых бус.
На сердце лампадка,
А в сердце Исус. (I, 76)

Приходит на ум рассуждение Есенина о Христе в его письме к Г. Панфилову: „Христос для меня совершенство. Но я не так верую в него, как другие. Те веруют из страха, что будет после смерти? А я чисто и свято, как в человека, одаренного светлым умом и благородною душою, как в образец в последовании любви к ближнему” (V, 35). Надо подчеркнуть, что Есенин верил в Христа по-своему. Он, как правильно отмечает А. Волков, „отрицал насилие церкви над живой душой человека, а вместе с тем многое взял из того, чем гений народа обогатил церковные обряды”⁴. Отвергая казенную религию, отбрасывая слепое мистическое преклонение перед церковными догмами, поэт очень бережно относился к Христу. Это повлияло на эстетическую сторону его творчества. Также большое значение имела встреча и дружба с Николаем Ключ-

² С. Есенин, *Собрание сочинений в 6-ти томах*, т. IV, Москва 1979, с. 225. Все дальнейшие цитаты приводятся в тексте работы с указанием в скобках номера тома и страницы.

³ Е. Наумов, *Сергей Есенин. Жизнь и творчество*, Москва-Ленинград 1965, с. 44.

⁴ А. Волков, *Художественные искания Есенина*, Москва 1976, с. 69.

евым. Этот крестьянин Олонецкой губернии вышел из патриархальной, глубоко религиозной семьи. Как и Есенин, он воспитывался в атмосфере мудрости священных книг. По мнению многих литературоведов, в том числе В. Базанова, Клюев чем-то напоминал протопопа Аввакума. „У Клюева с Аввакумом духовное родство, нечто общее, несмотря на разделяющие их целые столетия. Аввакума Клюев считал своим прадедом: «Гремел мой прадед Аввакум!»» Для него знаменитый протопоп был прежде всего выдающимся писателем. К тому же Аввакум был бунтарем, протестантом, защитником старообрядцев, он был сожжен за верность старым обрядам. Объективно его послания („грамотки“) способствовали снятию „священного“ ореола как с представителей царской власти, так и с высших сановников русской церкви. Клюев чтит Аввакума за неповиновение официальной церковной власти, за „великие на царский дом хулы“⁵. Для него самой важной являлась истинно христианская религия; имя же Христа и Священное Писание он связывал с той религией, которая царила в крестьянских хатах. Это от имени русского крестьянства он утверждал:

Мы блаженны, неизменны,
Вера любим и молчим,
Тайны бога и вселенной
В глубине своей храним...

Вся поэтика Клюева густо насыщена религиозными символами, что особенно заметно в стихотворениях, вошедших в сборник *Лесные были*. Он строил свою поэзию в духе религиозных верований, аналогично изображал картины крестьянской жизни.

В 1915 году С. Городецкий организовал в Петербурге литературную группу „Краса“, куда вошли поэты, связанные с деревней: Н. Клюев, С. Клычков, А. Ширяевец, С. Есенин, а также А. Ремизов и В. Иванов. Группу литераторов объединил интерес к Богомольной Руси, древнерусской письменности, к деревенской, „Избяной“ жизни. Общее выступление группы состоялось только раз – 25 октября 1915 года. „Краса“ просуществовала недолго, но все лучшие стихотворения, возникшие в период деятельности группы, вошли в первый сборник Есенина *Радуница*. Слово „Радуница“ заимствовано Есениным из религиозной лексики и обозначает православный праздник поминовения усопших. С названием сборника связаны многие его произведения, характеризующиеся использованием христианской символики. В стихотворении *Чую радуницу бо-жьёю...* можно увидеть, какой глубокий след оставили в поэзии Есенина религиозные влияния. Лирический герой признается:

⁵ В. Базанов, *Сергей Есенин и крестьянская Россия*, Ленинград 1982, с. 39.

...Голубой дух от бога,
 Словно огненный язык,
 Завладел моей дорогой,
 Заглушил мой слабый крик.
 Льется пламя в бездну зренья,
 В сердце радость детских снов,
 Я поверил от рождения
 В богородицын покров. (I, 96)

В этих словах чувствуется христианское смирение, сугубо религиозная направленность, связанная с православной традицией.

В *Радунице* много стихов, воспевающих красоту природы. Вспомним Н. Клюева, который воспринимал природу в образах церковно-монашеских реалий: стоят „схимницы ели“, „осна смотрит староверкой“, „шум леса – хвойный канон“, „зори – свечки в небе“... Аналогично окрашивает природу в религиозно-христианские тона муза Есенина. Природа у него это: березы – „большие свечки“, ели – „монашки“, ветер – „схимник“, дождь стучит „молитвой рашней“, „У лесного аналая воробей псалтырь читает“. Религиозно-поэтическую настроенность раннего творчества поэта замечает Алла Марченко. Она пишет, что для Есенина „характерно отношение к природе как к совершеннейшему из построенных – „терему“, „храму“, „собору“... „Хаты – в ризах образа...“, стога – церкви, „молитвословный ковыль“, „пвы – кроткие монашки“ – образ к образу возводит Есенин „купол“, который кроют „зори“, стоит храм, конца у которого нет и имя которому мир, храм, открытый „во всякий час“ и для живущих „на всяком месте“⁶. Религиозные мотивы у Есенина преимущественно связаны с чувством смирения, ощущениями благодатной просветленности. Поэт хочет стать „смирненным иноком“ (*Пойду в скуфье...*), „странником убогим“, на сердце которого лампадка, а „в сердце Иисус“ (*Я странник убогий...*), он верит „в богородицын покров“ (*Чую радуницу божью...*). Обращаясь к религиозным образам и мотивам, Есенин тем самым выражал свое интимно-задушевное отношение к поэтической действительности. А ею были для него вызывающие наплыв чувственности патриархальная деревня, „березовый“ рязанский край детства. Поэтому стихи не только от Евангелия и церковной литературы, а и от апокрифов, легенд, сказов, духовных стихов, в форме устной словесности, адаптированности, широко бытовавшими в народной среде. Апокрифы, относящиеся к XI-XII векам (*Хождение богородицы по мукам, Саломон и Китоврас, Прения господа с дьяволом* и др.), отличались большой поэтичностью, богатством мысли, религиозными образами, которые рассказывали не столько о за-

⁶ А. Марченко, *Поэтический мир Есенина*, Москва 1972, с. 35.

гробной, сколько о земной жизни. Апокрифическая основа стихотворений Есенина особенно зрима там, где упоминаются имена святых – Николая Угодника и Георгия Победоносца. Микола и Егорий, как на народный лад переименовал их Есенин, исконно воспринимались всемогущими помощниками в многотрудных крестьянских занятиях и заботах. Стихотворения *Микола* и *Егорий* вошли в состав сборника *Радунца*; своей духовно-эстетической направленностью они целиком отвечают извечным крестьянским верованиям.

Именно любовь к христианской культуре, укладу крестьянской жизни привела Сергея Есенина в „Скифы”. Идеологом крестьянской группы поэтов, собравшейся вокруг одноименного литературно-художественного альманаха на переломе 1916-1917 годов, был историк литературы и литературный критик Иванов-Разумник. Манифест группы излагался в первом программном сборнике *Скифы*, который появился вскоре после Февральской революции. В. Базанов пишет, что главными тезисами оказались постоянные напоминания „об очистительной роли буржуазно-демократической революции, об особой миссии крестьянской России, об особой ответственности русской интеллигенции перед народом”⁷. В „Скифах” печатались А. Белый, А. Блок, С. Есенин, А. Ширяевец, П. Орешкин, С. Клычков. В „Скифах” большое внимание уделялось изощренной библейской символике, активно использовались приемы метафорического осмысления языка. Иванов-Разумник не раз заявлял на страницах политической и литературной газеты „Знамя труда” о „духовной революции”, о „духовном преображении”. Он настаивал на том, что задача „скифской” революции не в реальных политических завоеваниях, а в „новом вознесении духа”, в духовном освобождении человечества, которое принес с собой Христос, что именно в этом и заключается единственно важная „религиозная идея социализма”. Последнее не могло не привлекать Сергея Есенина, который в новой исторической обстановке пытался сохранить религиозную целостность своего поэтического мировосприятия. Надо заметить, что религиозная тематика нашла свое место в его произведениях, созданных накануне революции и в период ее свершения. События Февральской революции отражены в таких стихотворениях, как *Товарищ, Певучий зов, Отчарь, О Русь, взмахни крылами...* и других. Есенин впервые предпринял здесь попытку синтеза идеалов христианства и революции – революции, которая впоследствии станет главной причиной трагического разлада поэта и с самим собой и с современностью. Ю. Прокушев в коммента-

⁷ В. Базанов, ук. соч., с. 33.

ниях к пятитомнику С. Есенина отмечает: „поэт воспевал новый мир, рожденный под «волховский звон»», в котором „будет свет разума и справедливости (*Свет ангельских юрт*); в нем не будет нужды и голода („там голод и жажда в корнях не поют”), не будет там богатых и бедных, для всех найдутся „с вызвоном блюда”; не будет предательства среди людей, даже „рыжий Иуда целует Христа искренне...” (I, 373-374). Тогда же в газете „Знамя труда” публикуется поэма А. Белого *Христос воскрес!*; там же печатает поэму *Двенадцать* А. Блок. В газете выступает и Есенин со своими произведениями *Октоих*, *Пришествие*, *Инония*, *Сельский часослов*. Все они объединены религиозной символикой, и это прямо сближает их с произведениями Белого и Блока. Есенин „сводит” небо на землю, показывает грядущую райскую земную жизнь, где царить будут все добродетели. Примером могут быть хотя бы такие строфы из стихотворения *Октоих*:

Осанна в вышних!
Холмы поют про рай.
И в том раю я вижу
Тебя, мой отчий край. (II, 37)

Несмотря на все, Есенину удалось перенести свою религиозность через бури революции. Обращаясь к религиозным образам и мотивам, он выражал свои чувства, собственные духовные требования к новой действительности. Следует согласиться с мнением А. Марченко, которая утверждает, что есенинская молитва „Небесного молока даждь мне днесь” немедленно вызывает ассоциацию: „Тело твое просто прошу”, как просят христиане – „хлеб наш насущный даждь нам днесь”. Есенин пытается ассимилировать революцию „своим – христианским... представлением”. Он продолжает писать библию, создавая ее новые поэтические главы: *Сельский часослов* – сборник молитв и псалмов; *Октоих* – книга церковного пения; *Инония* – книга пророка⁸. И, как показал весь трагический опыт судьбы Сергея Есенина, – утрата этой исходной и искомой религиозной сущности бытия была для него равнозначна утрате поэтического призвания.

⁸ А. Марченко, ук. соч., с. 106, 130.